

СТР.2

КУБОК ФИФА ИЛИ
КУБОК LEGO...

СТР.20

НЕ ТРОГАЙТЕ УТЁСОВА!

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

Бульварные Новости

№30 (320)
ИЮЛЬ 2026

МИХАИЛУ ГУЛЬКО –
95 ЛЕТ

СТР.4-6

MISHA GULKO

СТР.10-11

АРТИСТ И ПЕДАГОГ

ИСПАНИЯ – НОВЫЙ,
СТАРЫЙ ЧЕМПИОН!

СТР.14-15

ВЕЛИКИЙ
СУМАСБРОД

СТР.7-9

ВЕЛИКИЙ СУМАСБРОД

Александр Кайдановский прожил 49 лет — всего ничего. Но успел немало: как режиссер снял шесть фильмов, как актер сыграл в пятидесяти двух. Среди них такие шедевры как «Свой среди чужих, чужой среди своих» и «Сталкер».

А вот память о себе оставил неоднозначную.

Геннадий Норд

В попытках разобраться в масштабах его личности, о Кайдановском сняты документальные фильмы, написаны несколько книг воспоминаний, сотни статей. Там много интересного.

Например, как он мог изысканно материться, ботать по фене, выйти драться один против шестерых с ножами и биться с ними насмерть. А мог: всю ночь говорить о литературе, философии, о вещах, которых не знал ни один эрудит и искусствовед, как он гордо приглашал в свою сырую, с прогнившими полами коммуналку Марчелло Мастроянни, в сильном подпитии в ресторане потрясая чтил стихи любимого Арсения Тарковского и как был готов вцепиться в любого, кто не разделял его литературных пристрастий.

Очень многие с интимными подробностями вспоминают о его любовных романах — с резаньем вен и поножовщиной.

И все авторы единодушно сходятся в одном: Кайдановский — мощная, самобытная фигура. Недаром его вторая супруга актриса Евгения Симонова однажды призналась:

— У меня в жизни было две страсти — лошади и Кайдановский.

Каким же он был на самом деле? Этот вопрос открытым остается до сих пор.

В юности

Вот интервью 2018 года первой жены Кайдановского, ставшей его первой любовью и матерью его старшей дочери Даши. Именно на ее долю выпал самый сложный период в жизни будущего Сталкера — на ее глазах начинающий

Саша (в центре) с друзьями во дворе своего дома. Середина 1950-х

ростовский актер стал тем, кем сегодня его знают все. Они прожили вместе девять лет, где было много счастья, любви, романтики. Но и много того, что ей до сих пор вспомнить больно — измены, пьяные дебоши, уголовные дела.

Ирина Кайдановская (Бычкова) — доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии Южного федерального университета в Ростове-на-Дону.

— Как вы познакомились?

— Это было осенью 1962 года, я тогда занималась в драматической студии при Дворце культуры строителей, и мы репетировали спектакль под названием «Девушка с веснушками». Такая типичная советская патриотическая пьеса — про строительство, семейные отношения, про завод. И естественно — про любовь!

Так вот главного героя — Мишку Гусева — играл пятнадцатилетний студент второго курса ростовского училища искусств — Саша Кайдановский.

Не помню толком, как так получилось, но, начиная с первой репетиции, мы практически не расставались, всегда ходили одной компанией — моя неразлучная подружка Женя, Саша и я. Нам было хорошо, весело, и мы к нему относились как к подружке. Вместе ходили в филармонию, в дом актеров на всякие интересные мероприятия, литературные вечера, обсуждали фильмы.

— У него уже в юности проявлялись повадки ловеласа?

— Нет абсолютно! Молодые люди по-разному же себя ведут в компаниях, в гостях. Саша в первую очередь обращал внимание не на девчонок, а изучал книжные полки. Карманы его брюк всегда оттопыривались какими-нибудь томиками любимых поэтов — тут Евтушенко, там — Вознесенский. Он постоянно носил

С родителями — Леонидом Львовичем и Верой Александровной

книжки под мышкой. Пушкина знал наизусть — от корки до корки.

— Какой Саша был тогда?

— Очень худенький, скромно одетый, у него были очень коротко подстриженные светлые волосы, бледное, с веснушками лицо, светло-серые глаза и очень красивый тембр голоса. Он был очень общительным, щедрым на все то, что знал, чем владел. А увлекался он разными видами искусства. Прекрасно знал литературу, поэзию, великолепно читал стихи. Читал не все, что попало, а только то, что любил. У него было какое-то бешеное чутье и отменный вкус. Необычайно непосредственный, искренний, бескомпромиссный, бескорыстный. Мог отдать последнюю рубашку первому встречному и, кстати, отдавал.

— Правда, что он на магнитофон начитывал стихи, оттачивая мастерство?

— Он это делал ночами. А когда я приходила, включал магнитофон и давал послушать результат. Знаете, я за свою жизнь слышала выступления многих выдающихся чтецов, да и их курс в Шукшинском училище был замечательный — Нина Русланова, Леонид Филатов, Борис Галкин, Иван Дыховичный — почти все знаменитыми актерами стали. Но он лучше всех читал стихи, и меня в этом никто не переубедит. Читал как Бог! Иначе не скажешь.

— Его страстное увлечение поэзией, литературой, театром — от мамы, Веры Александровны?

— Однозначно. Она закончила институт культуры в Долгопрудном, и как «режиссер народных театров» вела театральный кружок в клубе завода «Ростсельмаш». Ставила серьезные пьесы про любовь. Саша ей всю жизнь не мог простить, что в детстве она не дала ему ни одной серьезной роли. Когда Вера Александровна с Сашиним отцом разошлись, и в новой семье у нее родился сын Миша, она купила

мальчику пианино, записала во французскую школу. Саша потом говорил:

— Мама, ты все перепутала! Это меня надо было учить музыке и французскому языку!

А Миша с утра до вечера в футбол играл и даже гамму сыграть не мог.

— Зато от папы, как я понимаю, ему достались темперамент, упрямство и способность с ума сходить от ревности.

— Судя по всему, да. Леонид Львович был очень ревнив! Саша мне сам рассказывал, как его папа, будучи сотрудником КГБ, ходил в военной форме с портупеей и гонялся с наганом на боку за его молодой и красивой мамой, ревнуя ее чуть ли не к каждому фонарному столбу. И в Саше эта черта характера стала бурно проявляться — особенно с возрастом. Он был очень упорный, даже упертый.

Вообще он многого добился в своей жизни, несмотря на то, что она короткая была, благодаря вот этой своей упертости. Намечет себе точку, и будет туда бить, бить, пока своего не добьется.

— За вами он настойчиво ухаживал?

— А я и не догадывалась, что он ухаживает за мной! Мы втроем дружили, дружили. И в какой-то момент я у подружки спрашиваю:

— Почему с нами Сашка все время ходит?

Он же жил рядом со студией — три минуты ходьбы от дома. А он с нами пять остановок туда, поздно вечером пешком обратно. Какой ему интерес?

— А ты не догадываешься?

Вот тут Женя мне и подсказала, что он ходит из-за меня.

— Не может быть!

Она же у нас первой красавицей считалась всегда.

Окончание на с. 8

С Ириной незадолго до свадьбы во время отдыха на Азовском море

Свадьба Александра и Ирины. Март 1966 года

В фильме «Крах инженера Гарина» (1973)

В фильме «Свой среди чужих, чужой среди своих» (1974)

В фильме «Под крышами Монмартра» (1975)

В фильме «Игрок» (1972)

Окончание. Начало на с. 7

Но даже в ухаживании Саша был очень своеобразный. Помню, однажды, глубокой ночью он захотел меня увидеть. Я жила на первом этаже и уже спала. Он не постучал, не позвонил, а полез в окно. И хотя старался это сделать как можно бесшумней, но, конечно же, всё стало падать, биться и получился целый переполох.

Вот он такой был: захотел увидеть, и увидел.

Закончилось всё тем, что мой папа пошел его провожать. Кстати, когда Саша сделал мне предложение, я оказалась к этому совершенно не готова.

— Почему?

— Считаю, что мы слишком молоды, и жизнь впереди еще очень долгая. А он был вообще такой: возникла мысль в голове, он тут же ее высказывал.

Он вдруг захотел, чтобы я стала его женой, чтобы у нас были дети, чтобы мы жили вместе. Где и как, а жить было негде, его совершенно не волновало. Он был человек абсолютно не интересовавшийся бытом, так, по-моему, на всю жизнь им и остался.

Примерно в это время я закончила техникум, и поехала по направлению в Волгодонск. Почти год мы не виделись, а когда вернулась — мне уже исполнилось целых девятнадцать, — я поняла, что созрела.

— Родители были «за»?

— Когда мы сообщили Леониду Львовичу о нашем решении пожениться, он сделал большую паузу, вздохнул, потом посмотрел на меня и с грустью в голосе произнес:

— А ты умеешь варить борщ?

Родители устроили нам шикарную свадьбу. Саша до этого всё время ходил в каких-то свитерах-самовязках явно с чужого плеча, а тут у него появился первый в его жизни костюм. Помню, он не хотел его одевать, так как «шоу-представление» в загсе нам казалось чересчур комичным и напыщенным. Мы туда пошли ради родителей. Наша свадьба состоялась в марте 1966-го.

— После ростовского училища искусств Кайдановский поступил в Школу-студию МХАТ, но и двух месяцев там не проучился. Была причина?

— Вообще-то МХАТ был его главной любовью. Но, по его словам, «там оказалось, столько дурацких церемоний». Традиции, которые мхатовцы культивировали, его разочаровали и раздражали. Атмосфера менторского наставничества и поучений, жесткая субординация закулисных отношений.

Ну, им нравится эта «игра»! Со сцены она переходит в фойе, потом актеры домой всё это несут.

А Саша хотел в любых обстоятельствах оставаться самим собой — таков был его главный жизненный принцип. В результате он перевелся на первый курс Щуки.

В этот период мы много переписывались. Из писем я выяснила, что у него на первом месте друзья, на втором — жена, на третьем — всё остальное.

— Вас это обижало?

— Нет. Друзья у него были удивительные — скульпторы, художники, актеры, музыканты.

Но всё дело в том, что уже через год, как Саша уехал из Ростова, он стал как-то меняться. Здесь ему хотелось семьи, тепла, он мечтал о детях. А когда я переехала к нему в Москву, то поняла, что его отношение изменилось в первую очередь к семье. Он никогда и не был классическим семьянином-домоседом. Мог прийти поздно ночью или под утро с кучей гостей, уехать неожиданно, ничего не сказав. Он никогда не убирал, не готовил и терпеть не мог, когда я «наводила порядок». Никогда не замечал — убрано или не убрано. К своим книгам вообще не

разрешал прикасаться. Книги разбросаны по всему дому? Так и надо!

— В одном из интервью Кайдановский с гордостью рассказывал, как вы жили чуть ли не в подвале на Арбате — с полчищами крыс и провалившимся потолком.

— И я вспоминаю то время как самое лучшее. Ведь мы были там счастливы! Этот дом под снос стоял в двух шагах от театра Вахтангова, где он параллельно с учебой работал. И крысы у нас действительно были. Белые, лабораторные! Это не какие-то там грызуны с холерой какой-нибудь, абсолютно ручные. Они приходили из-под пола, и мы с ними дружили. Да, бывало, мы сидели без света и отопления, но зато у нас всегда было очень весело — двери практически не закрывались и всегда полно потрясающе интересных людей. Гоняли чай, пили вино, ночи напролет вели захватывающие разговоры-споры о поэзии, театре, музыке.

С дочкой Дашей

— Говорят, уже в то время Кайдановский мог сорвать репетицию. Просто взять и не прийти!

— Не часто, но такое бывало. Он мог проспать, потому что всю ночь читал. Многие из того, что ему предлагали играть в театре, его категорически не устраивало, и поэтому «ноги не шли». Он готовил себя к тяжелому труду «с утра до позднего вечера», а ему давали играть типа «кушать подано» и «голос за сценой».

Вообще в тот период он просто искал себя. Ходил на кинопробы — пробовался на роли Раскольников у Кулиджанова,

Алеши Карамазова у Пырьева, Голубкова у Алова и Наумова, но его не утверждали. Саша тяжело переживал первые неудачи в кино. Но я же говорю: он был очень упорный.

— Леонид Филатов вспоминал: «Кайдановский человек был трудный, но невероятный — он мог виртуозно материться, болтать на бандитском жаргоне, а мог всю ночь говорить с тобой о литературе, о вещах, которых здесь не знал ни один специалист». Для вас он был «тяжелый» человек?

— Всё бы ничего, но со временем Саша стал выпивать и часто ввязываться в драки. Поводом для этого мог быть, например, разговор о поэзии. Я была свидетелем одной страшной потасовки, хотя чаще была очевидцем последствий. Недалеко от Рижского вокзала к нам пристали трое хулиганов. Завязалась драка. Саша сцепился с человеком, который размахивал ножом. Слава богу, быстро приехала милиция. Но шрам на подбородке у него остался на всю жизнь.

— Как на него действовал алкоголь?

— Этого предугадать не мог никто. Он мог начать пить или отказаться пить наотрез. Непредсказуемый! Мог ни с того, ни с сего «взорваться» или заснуть.

— Кайдановский не скрывал, что его разочарование в театре связано с тем, что ему, претят «отвратительные театральные унижения», жалкие поддачи в виде неинтересных ролей. Но из театра Вахтангова его уволили со скандалом. За что?

— Не знаю, какая была официальная формулировка, но ясно за что. Он трижды за это время привлекался к суду по пьяному делу. Кто это будет терпеть? Первый раз отделался штрафом. В другой раз они с Ниной Руслановой и еще одним сокурсником отмечали сданные экзамены в плавучем ресторане недалеко от Каменного моста. Хорошо отметили, сошли на берег. Ночью, в жуткую метель недалеко от пристани увидели лежащего в кустах человека — его уже заметало снегом. Сами не очень трезвые, тот пьяный. Стали приводить его в чувство. В это

В кинодилогии «Пропавшая экспедиция» (1975) и «Золотая речка» (1976)

В фильме «Сталкер» (1979)

В фильме «Десять негритят» (1987)

время мимо проезжал милиционер на мотоцикле с коляской:

— Что происходит?

И тут этот мужчина очнулся и начал орать, что они его ограбили.

Всех отвезли в отделение. Нину отпустили сразу. А поскольку больше огрызнулся и всех материл Саша Кайдановский, его связали и били по ребрам ногами. Десять суток он там провел на нарах. Я чуть с ума не сошла! Хорошо, Нина Русланова приехала меня поддерживать, несколько дней жила у нас. Мы с ней даже в одной кровати спали.

На восьмые сутки ночью — звонок в дверь. Открываю: стоит мужик — весь в наколках. Сиплым голосом говорит:

— Я от вашего мужа весточку принес!

В письме Саша написал, когда его выпустят. А у нас не было ни воды горячей, ни отопления. Только печь каменная, отапливаемая газом, и раковина с холодной водой. Я быстро в сарае корыто нашла — отмывать же его нужно.

Вот так и готовилась к встрече. Саша потом рассказывал:

— Мы там спали как шпроты, чтоб согреться, через каждые два часа меняюсь местами.

Но самый страшный был третий случай, когда он реально мог получить тюремный срок.

— На Кайдановского завели новое уголовное дело?

— Да! 1970 год. Володя Самойлов, Юра Яковлев и Саша отмечали в ночном ресторане окончание съемок фильма «Драма на охоте» по Чехову — с Сашей в одной из главных ролей. Там в какой-то момент ему надо было выйти по нужде. Он пошел и заблудился, попал в какую-то кочеварку — потом сам толком ничего не помнил. И якобы Саша ударил кочевара, который оказался ветераном войны.

Не посадили только благодаря Михаилу Ульянову и тому, что я была на седьмом месяце беременности. Я была на суде. Ульянов такую яркую речь произнес в защиту Саши — там все были потрясены. Дали два года условно, но предупредили: если он что-то опять натворит — тогда еще и добавят.

— Это как-то на него подействовало?

— Вообще никак! Вся милиция от Москвы до Ленинграда его знала. Однажды Саша на один день уехал на съемки в Питер и пропал на трое суток. Потом звонок: он в Бологом, в кутузке. Виной всемо проклятая спонтанность, которую он в себе культивировал. Хочется ударить — ударь! Обидно тебе? Дай по морде! Плюс алкоголь. Всё это, в конечном итоге, и свело его в могилу.

— В 1975-м вы официально разошлись. Совместная жизнь стала совсем невыносима?

— Саша снялся в нескольких хороших фильмах, его стали узнавать на улице. У него стали появляться подруги. И не со всеми женщинами отношения были платоническими. Сначала их было не много, и Саша мне о них рассказывал — он в этом плане был человек очень открытый. А потом в его жизни появилась Валя Малявина.

Не каждая жена это выдержит.

— Малявина к тому времени была на пике славы — сыграла медсестру Машу в «Ивановом детстве», Принцессу — в музыкальной сказке «Король-олень».

— Как актриса мне Валя очень нравилась — красивая, загадочная, роковая. И в наш дом она вошла как друг семьи. Осыпала меня комплиментами, восхищалась:

— Какая у вас красивая дочка! Какая ты счастливая!

А закончилось тем, что она к нам в окно лазила ночью! Спим, стучит в стекло, открывает шпингалет форточки. И ей плевать, что лезет к женатому мужчине!

Валентина Малявина

— И как она это объяснила?

— Я объяснений не слышала. Саша пошел ко мне:

— Это Валя. Я сейчас приду.

Ушел и с концами. Ну, эта Малявина, конечно, не дай бог! У нее была такая фишка — придумывать испытания для своих возлюбленных.

— В каком смысле «испытания»?

— Говорила:

— Любишь меня? А что ты ради этого сделаешь? Можешь руку разрезать пополам? А я могу!

Хватить нож, и лезвием по руке. Кровь фонтаном, все в шоке, а она хохочет.

А сколько было случаев, когда Валю снимали с балкона пятого этажа. Всех убеждала, что сейчас возьмет и прыгнет вниз. Провокаторша! Ей было интересно, на что способна сама и окружающие в экстремальных состояниях сознания.

Она и Сашей такой номер проделывала прямо в нашей квартире. Приезжаю из Ростова, а у нас все стены в крови. Потом оказалось — это Валя «гостила».

Вот что у них там произошло в тот день, когда погиб Стас Жданько?

— Речь о 13 апреля 1978 года, когда 24-летний актер Станислав Жданько, по словам Малявиной, «сам себя зарезал кухонным ножом»?

— Да! Дело квалифицировали как самоубийство, и только через несколько лет Валю приговорили к девяти годам лишения свободы за убийство. Ну, как парень мог себя сам зарезать? Что на самом деле произошло, толком никто не знает, потому что все они были вдрабдан пьяные.

Саша тоже в этот день там был. Их было четверо — Саша, Витя Проскурин, Валя и Жданько. Саша и Витя потом ушли, они остались вдвоем.

Конечно, очень-очень странная она женщина! Когда всё случилось, первый, кому стала звонить Валя, был Саша:

— Приезжай! Что делать не знаю!

Саша поехал.

— Что Кайдановский говорил по поводу «самоубийства»?

С любимой собакой Зиной. 1990-е

— У меня была своя версия. Вернее, даже не знаю, моя это версия или его, или одна на двоих. Думаю, что она вполне могла устроить такую суровую проверку на любовь и верность этому Стасу. А он молодой, темпераментный был. Еще, если честно, я сомневаюсь, что они пили только алкоголь — не удивлюсь, если она туда что-нибудь подмешивала.

Короче, я ему прощала, прощала, а потом уже сил больше не было. И наша семья перестала существовать.

— То есть из-за его романа с Малявиной?

— У него же не один роман был. Появилась Женя Симонова. И потом Саша становился другим человеком. Постоянно стал попадать в какие-то экстремальные ситуации, стал циничным, чужим. В тот момент я поняла, что всё равно это когда-нибудь произойдет. Но даже после того как было принято решение, мы еще несколько лет встречались, жили вместе, расставались.

— Разве он не понимал, что рушит семью, отношения с дочерью?

— Вы такие слова говорите... Для него семья не была какой-то ценностью. По-моему, он вообще об этом серьезно не задумывался.

— Как вы пережили развод?

— Очень тяжело. Не только потому, что дочь без отца, но и потому что чувства остались. Из вахтанговского общежития нас с Дашей выселили в три дня — просто выгнали на улицу. А я как раз в это время поступила в университет на психфак. Что делать? Бросать? Знаете, в тот период на меня всё это обрушилось и придавило так, что я не могла понять: я живу или меня уже нет.

Слава Богу, взяла себя в руки. Перевелась на вечерний, ушла с головой в работу. Закончила МГУ и вернулась в Ростов. С тех пор преподаю в нашем университете — доцент кафедры психофизиологии и психологии развития.

— Вам не кажется, что многие поступки Александра Кайдановского, скажем так, не совсем адекватны?

— Саша — ярко выраженная эгоцентрическая натура, сконцентрированная на себе и своих увлечениях. Он был совершенно искренне уверен: то, что интересно ему, интересно всем. Так оно и было на самом деле — вокруг него собирались только те, кто разделял его пристрастия. А в плане психики он был совершенно нормальный, адекватный.

— Многие друзья вспоминают, что Кайдановский недолюбливал Андрея Тарковского. Было за что?

— У него было сложное отношение к Тарковскому. С одной стороны, он уважал его как режиссера, а с другой, как он говорил, ему было больно, что тот не щадит актеров. «Железный» режиссер!

Кстати, именно после «Сталкера» Саша сказал, что ему «играть больше некого», и сам ушел в режиссуру.

Вообще же я считаю, что Сталкер — лучшая роль Кайдановского в кино. Я об этом знала заранее, когда только прочла сценарий.

— Отец Кайдановского умер 1 декабря — в 49 лет, мама — 2 декабря, сам Александр Леонидович — тоже ровно в 49 лет — 3 декабря. Вам не кажется, что мистика какая-то?

— Если вы про «рок семьи Кайдановского», то я в это не верю! Да, так совпало, что умерли все подряд — в первых числах декабря. Но Вера Александровна скончалась не в 49 лет, как писали многие журналисты, ей было за 60. Да, все трое — от инфаркта. Наследственная предрасположенность была — большое сердце! У Саши же не один был инфаркт. Три! Его несколько раз укладывали в

больницы, но он убежал оттуда прямо в пижаме. Как мальчишка себя вел. Демонстративно не хотел лечиться, много курил, не щадил себя совершенно.

Кстати, и Сашин сводный брат Миша умер очень рано — в 2000-м году, в 34 года.

— Тоже сердце?

— Нет. Я всех подробностей не знаю, но скончался он в психиатрической больнице. Очень странная история! Вдруг часто стал болеть. Потом ноги перестали ходить. Палочка, затем костыли. Добрейшей души был человек!

А Сашу последний раз я видела в 1990-ом — на похоронах его мамы. Помню, как во время отпевания в кладбищенской церкви Саша заплакал. После похорон сказал:

— Умерли отец и мать. И ничего после них не осталось.

Это был последний его визит в Ростов-на-Дону.

— Как вы узнали о его смерти?

— Мне позвонили друзья, мы с Дашей выехали в тот же день. Мы его отпевали в церкви, причем, по-христиански. И до кладбища я его довезла, была на поминках в ресторане Дома актеров.

— Пять лет тянулась тяжба по поводу наследства Кайдановского. Чем она завершилась?

— Это из тех историй, которые я вообще не хочу вспоминать.

А ведь еще не прошло девять дней со дня смерти, как последняя молодая супруга Инна Пиверс, вывезла все его вещи до последней бумажки в двухкомнатную квартиру, которую незадолго до смерти успел купить Саша, но так туда сам и не переехал. Свою квартиру она продала и с этих денег, как она считает, расплатилась с наследниками, выплатив по пять тысяч долларов каждому.

— Вы же сами сказали, что он был абсолютно безбланный человек, бесребреник. Что же в его наследии было такого ценного?

— Самой большой ценностью может быть, например, фотографии. Или картины, которые нарисовал Саша. Знаю, что у него была огромная, великолепная подобранная библиотека, его собственные картины. Кроме того, Саша коллекционировал иконы. Это и есть наследство, овестьственный мир, в котором он жил.

— У вас что-нибудь осталось на память из этого «мира»?

— Только пепельница ручной работы из его дома. Несколько писем и фотографий. Всё! Пропала большая коробка почти со всеми нашими фотографиями. Исчез наш свадебный фильм, который Саша сам снимал на узкую киноплёнку. Но осталась память о нем, его фильмы.

— Вы представляете его, например, 70-летним?

— При его внутренних установках — нет. Мы часто говорили с ним на тему жизни и смерти. Саша на полном серьезе считал, что наивысший пик у творческих людей наступает после тридцати лет и к сорока годам все уже заканчивается. Поэтому не мыслил себя старым, даже, может быть, бессознательно сопротивлялся долгожительству и за жизнь не цеплялся. Он за пик творчества цеплялся. И на свой пик он забрался.

